

馬努辛

Дорогие читатели!

Мы продолжаем серию историко-биографических публикаций, посвященных 85-летию нашего земляка, китаеведа Виктора Сергеевича Манухина (1926–1974), начало см. в газете «Колокольня» № 38 от 22 сентября 2011 г.: «Письмо из семидесятых». В своем «Письме Ларисе» В.С. Манухин отметил: «Средней школой мое учение отнюдь не завершилось. Судьба уготовала мне еще целых десять лет учения –

сначала в институте, а потом в аспирантуре». О годах учебы на востоковеда и профессиональном становлении в Институте восточных языков мы и поговорим сегодня. В заключение предлагаем вашему вниманию подстрочный перевод стихов, включенных из текста романа «Цзинь, Пин, Мэй» в первом издании 1977 года.

В оформлении заголовка использованы иероглифы, передающие имя «Манухин».

НАШ КИТАЕВЕД

ИНСТИТУТ
ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

«УЧИТЬСЯ И, КОГДА ПРИДЕТ ВРЕМЯ, ПРИМЕНЯТЬ
УСВОЕННОЕ – РАЗВЕ ЭТО НЕ ПРЕКРАСНО!»

– Конфуций (VI в. до н.э.)

АСПИРАНТ МГУ

В 1945 г. В.С. Манухин поступил в Московский институт востоковедения (МИВ), который располагался в красивом особняке в Сокольниках по адресу Ростокинский проезд, д. 13 а (до войны здесь был ИФЛИ – Институт философии, литературы и истории).

Едва ли мы сможем узнать достоверно, как именно Манухин оказался в МИВ и почему выбрал китайский. Это любопытно, однако, пожалуй, не столь и важно. Примем как достаточное то объяснение, что ему было интересно учить иностранные языки, и ко времени окончания школы он знал немецкий и английский на хорошем уровне. Понятен его общий интерес в этом направлении: выучить что-нибудь еще, язык более редкий и сложный, может быть, китайские иероглифы – самую древнюю письменность из применяемых в современности. Известно, что после возвращения МИВа из эвакуации в 1943 г. на китайском отделении бывал недобор абитуриентов, между тем специалисты требовались: СССР постоянно оказывал разнообразную помощь братскому народу Китая, и недалеко было день прихода к власти компартии во главе с ее лидером Мао Цзэдуном. Если абитуриент МИВа толком не определился с будущей специальностью, члены приемной комиссии рекомендовали ему обратить внимание на китайское отделение. Возможно, так произошло и с Виктором Манухиным в 1945 году.

И начались годы учебы. Время было послевоенное, трудное – хотя война кончилась, жизнь была далека от представлений о достатке и комфорте. Но энтузиазм молодости был главным помощником студентов тех лет. Манухин, как и многие его товарищи, мотался в Москву из Павлова на паровике, вагоны которого зимой оттапливались печкой-буржуйкой. Было и общежитие – знаменитое университетское общежитие на Стромынке с длинными коридорами и комнатами на восемь человек. В этом молодежном улье, переделанном из военных казарм, размещались также и студенты МИВа. Востоковеды получали помимо продовольственной карточки повышенную стипендию – правительство доплачивало за языки. Состав учащихся был преимущественно мужским, было много фронтовиков, а девушек – мало, но к ним ректор института на собраниях перокурсников обращался особо: «Девушкам с японского и индийского просьба не выходить замуж за студентов с арабского и турецкого!»

Сохранились самодельные тетрадки с первыми упражнениями по китайскому языку, куда переписывались поначалу корявые иероглифы аккуратно, упорно, многими десятками и сотнями. Первыми учебными текстами были переводы из китайских газет. В письмах друзьям тех лет Виктор Манухин выражал недовольство уровнем преподавания китайского, но учить язык продолжал. Особую сложность, помимо зубрежки огромного количества иероглифов, представляла музыкальная система организации китайского языка, фонетика с ее четырьмя тонами, в зависимости от каждого из которых меняется смысл высказывания.

Студентом он выбрал специализацию по китайской литературе. В институте лекции по японистике читал академик Н.И. Конрад, по истории китайской литературы – Любовь Дмитриевна Позднеева (1908–1974), дочь известного петербургского востоковеда Д.М. Позднеева. Обычно она вихрем влетала в аудиторию, держа в одной руке толстый словарь, а в другой – дымящуюся папиросу, и с порога декламировала по-китайски что-нибудь из «Ши-цзина»: «Рву да рву подорожник – я подол подынала!» Л.Д. Позднеева стала для В. Манухина учителем на всю жизнь: в аспирантуре была его научным руководителем, затем (до 1959) возглавляла кафедру, на которой Манухин работал, до конца жизни оставалась лидером литературоведов-китаистов Института

восточных языков. Через много лет, вручая ей готовый текст диссертации, Манухин сделал по этому случаю такую надпись:

Дорогой Любви Дмитриевне – учителю строгому, порою суровому, но всегда доброжелательному, чей пример служения науке учит думать, искать и дерзать – качествам, без которых не может быть ученого, от ученика, искренне благодарного за поощрение, и за наставления, и взбучки.

Когда возник в судьбе Манухина средневековый роман «Цзинь, Пин, Мэй, или Цветы сливы в золотой вазе»? Не узнать об этом «крамольном» романе литературовед-китаист не мог: это одно из великих произведений китайской словесности, по языку и стилю сложное, по содержанию занимательное, эпатажное и поучительное одновременно, по объему огромное. Браться за такое произведение можно рискнуть только в молодости или никогда. Надо понимать, что в те годы на русский язык не были переведены даже основные памятники китайской литературы – это стало задачей советского китаеведения. В отличие от других классических романов – «Троецарствия», «Речных заводей», «Путешествия на Запад», «Сна в красном тереме», – «Цзинь, Пин, Мэй» оставался не выбран для исследования и перевода. Однако взять такой текст в качестве перспективной темы научного исследования в СССР конца 1940-х гг. было смело, едва ли даже известная своей независимостью Л.Д. Позднеева могла настаивать на этом.

Можно предположить, что решение Манухиным было окончательно принято во время его командировки в КНР. Запись о ней стала первой строкой в составленном им на листке бумаги списке главных личных достижений в жизни. Далее эта записка будет планом нашего дальнейшего повествования.

«В 23 года был в Китае.
В 26 лет окончил вуз.
В 27 лет поступил в аспирантуру.
В 30 лет стал преподавателем вуза.
В 38 лет защитил кандидатскую диссертацию.
В 43 года стал доцентом.
В 43 года закончил перевод «Цзинь, Пин, Мэй».
В 45 лет добился издания «Цзинь, Пин, Мэй» в ГИХЛЕ».

«БЫЛ В КИТАЕ»

В конце лета 1949 г., по окончании 4-го курса, В. Манухин был командирован в Китай в качестве переводчика. Тогда Советский Союз направил в помощь Китаю для восстановления народного хозяйства около полсотни специалистов, и для обеспечения их работы потребовались переводчики. Командировка продолжалась два года, с 14 августа 1949 г. по 13 августа 1951 г. Таким образом, Манухин оказался свидетелем первых лет становления Китайской народной республики, провозглашенной Мао Цзэдуном в Пекине 1 октября 1949 г. Выполняя свою работу переводчика, молодой советский ученый старался интенсивно изучать культуру Китая, знакомиться с китайскими преподавателями и литературоведами, приобретать как можно больше китайских книг, в чем и преуспел.

Конечно, он привез из Китая гостинцы знакомым и родственникам и украсил свое жилище диковинными вещами: свое место заняли статуэтки китайских божков из дерева и фарфора, бумажные веера и зонтики, скатерть, халаты и занавески с драконами. Тамара Ивановна Хренова вспоминает, как по возвращении он позвал из сестры Любюй в гости: играл патефон, а хозяин рассказывал о Китае, где побывал, что поведаль, как там люди живут, и как на приеме он выпил лишнего и съел эмею. «Мы ему: Витя, ну, скажи чего-нибудь по-китайски! – И как начнет лопотать по-ихнему – ну точно, китаец! Обхохочешься». Многие отметили, что из Китая вернулся уже другой Виктор Манухин – это был более уверенный в себе человек, как говорится, знающий себе цену. На то время уровень владения им разговорным китайским языком был близок к свободному.

По возвращении в Москву В.С. Манухин закончил китайское отделение МИВ по специальности «китайский язык», сдал почти все госэкзамены на «отлично» (получил «хорошо» только по марксизму) и защитил диплом в апреле 1952 г. По-видимому, ему предлагали карьеру в МИДе, но после недолгих колебаний Манухин предпочел науку. Однако переводчиком при посольстве и торгпредстве Китая в Москве какое-то время числился. Регулярно с 1953 по 1961 годы получал подарки от китайцев к празднику 1 октября: муку, рис, вино, фуфайку, перчатки, кашне, кожаную куртку на меху, отрезки материи на костюм, чайный сервиз. В 1961 г. праздник был отменен, вместе с ним прервался и список полезных подарков, но не работа переводчиком на переговорах разного уровня. Соседи до сих пор помнят, как по ночам к его дому приезжала черная «Волга», чтобы срочно отвезти Манухина по делам в Москву.

знает П.Ф. Захарова «с детства». Несмотря на то, что опекаемый дедушка был «совсем древний», Манухина он пережил, и именно из квартиры на Якиманке коллеги в 1974 г. вывезли на кафедру сотни томов китайской части его библиотеки. В московской квартире Манухин останавливался не часто и обычно спешил в Павловский Посад, где дома его всегда ждала мама Дуня.

На домашний адрес почта регулярно доставляет доселе невиданные в Павлове газеты и журналы: «Гуанмин жибао», «Жэньминь жибао», «Жэньминь вэньсюэ», «Миньцзянь вэньсюэ», «Вэньсюэ пинлунь», «Ханьюн пиньин бао», «Чжэсюэ яньцзюэ», «Лиши яньцзюэ», «Синь цзяньшэ», «Вэнь бао», «Чайнин литраче», «Нью Ориент». Конечно, Манухин выписывает также издания на русском языке: «Народы Азии и Африки», «Новые книги», «Филологические науки», «Вопросы литературы», «Вестник древней истории» и мн. др. Приходят письма от коллег из Китая и стран Европы, и неизменная тема переписки – книжные новинки, поиск необходимых изданий. Он заказывает книги по каталогам, покупает и отправляет сам и платит за все это немалые деньги. Но что делать – этого требует профессия.

ДИССЕРТАЦИЯ

В ноябре 1964 г. В.С. Манухин защитил кандидатскую диссертацию по теме «Социально-обличительный роман «Цзинь, Пин, Мэй» (XVI в.). От традиций к новаторству». Официальными оппонентами на защите выступили видные востоковеды проф. И.С. Брагинский и Л.З. Эйлин, в обсуждении приняли участие Б.К. Пашков, С.Л. Тихвинский, В.И. Семанов, Э.М. Яншина. Любопытно, что выступивший на Ученом совете ИВЯ историк и дипломат Сергей Леонидович Тихвинский в октябре 1949 г., будучи генконсулом СССР в Пекине, принимал непосредственное участие в дипломатическом обеспечении акта признания Советским Союзом только что провозглашенной КНР.

Диссертация Манухина стала первой и остается единственной, посвященной «Цзинь, Пин, Мэй цыхуа» в отечественной науке. Стенограммы заседания Ученого совета свидетельствуют, насколько трудно уместить этот «роман в прозе и стихах» (цыхуа) в какие-либо формальные рамки, например, если в духе времени искать в нем социально-обличительную составляющую. Чинная дискуссия о жанровых особенностях, сюжете и поэтике романа, противоречивости мнений о нем, текстологических проблемах, правомерности типологических сближений (дискуссионная концепция «Возрождения в Китае»), – все же не обошла вниманием интерпретационный потенциал эротических сцен и образов, и участники обсуждения риторически восклицали: «история культуры пишется не для монахинь и институтов благородных девиц!». Диссертант внимательно конспектировал все выступления и выписывал наиболее весомые аргументы, пригодные для использования в другой аудитории – в кабинетах редакции издательства, которое все тянуло с изданием романа. Он-то надеялся, что теперь процесс ускорится, и он совершит в этом направлении «большой скачок».

«НЕЧЕГО ТРЕВОЖИТЬСЯ О ТОМ, ЧТО ВЛАСТИ, МОЛ, БЕЗМОЗГЛЫ И ТЕМНЫ; С ТРЕВОГОЙ ДУМАЙТЕ ЛИШЬ О ТОМ, ЧТО НЕ МОЖЕТЕ УСЕРДИТЕ СОСРЕДОТОЧИТЬ В СВОИХ СОЧИНЕНИЯХ; НЕЧЕГО ТРЕВОЖИТЬСЯ О ТОМ, ЧТО ВЛАСТИ НЕЧЕСТНЫ. С ТРЕВОГОЙ ДУМАЙТЕ, ЧТО НЕ ПОСТИГЛИ ДО КОНЦА КАНОНИЧЕСКИЕ КНИГИ».

– Хань Юй (IX в. н.э.)

После успешной защиты В.С. Манухин через некоторое время стал доцентом, завершил стилистическую правку перевода романа, готовя его в печать, и собрал материалы для докторской диссертации, читая и конспектируя огромный объем текстов по средневековой китайской драматургии. Занятия шли своим чередом. Продолжались курсы истории китайской литературы, шли занятия по иероглифике, древнекитайскому языку, с аспирантами – занятия стихотворным переводом, был подготовлен спецкурс по средневековой драматургии. Он редактировал научный раздел факультетской стенгазеты «Восток» и вместе со студентами делал кафедральную стенгазету «Китаевед».

Среди рабочих бумаг Манухина сохранились списки с фамилиями всех его студентов, которые писали у него курсовые и дипломные работы, с полученных за них оценками. Видно, что к своей профессии Манухин относился с большой ответственностью. За восемнадцать лет преподавания в ИВЯ, с 1956 по 1974 годы, он был научным руководителем в общей сложности 79 курсовых и 13 дипломных работ.

Год назад, в мае 2010 г., на радио «Говорит Москва» была передача с участием проф. Ильи Сергеевича Смирнова, директора Института восточных культур и антропологии при РГГУ. Отвечая на вопрос радиослушателя о романе «Цзинь, Пин, Мэй, или Цветы сливы в золотой вазе», он вспомнил и о Викторе Сергеевиче: «Это знаменитейший китайский роман. Роман анонимный. Ничего о его авторе, кроме прозвища Ланьлинский намешник не существует, не известно. Он существует в прекрасном русском переводе. Сделал его, к сожалению, очень рано

умерший переводчик Манухин, которого я еще застал. Он учил меня каллиграфии, он учил нас писать иероглифы, замечательный был человек, кстати, оказал, как я слышал от самого Олега Чухонцева, большое влияние на него в детстве. Они жили неподалеку. Чухонцев поразил меня своим интересом и знаниями о Китае, и когда я услышал, что это Манухин как-то настаивал его в этом деле, было очень приятно. Так вот, Манухин сделал полный перевод. Даже был когда-то в Гослите на обсуждении печатать этот роман или не печатать. Дело в том, что этот роман по европейским меркам, да и по китайским, довольно откровенный» (текст передачи на сайте радиостанции).

Подробнее о романе и истории его издания, мы напомним, еще представится случай поговорить. А сегодня публикуем по машинописи из архива Манухина подстрочник песни, которой начинается этот длинный сказ-роман. Так и кажется, что домик на старинной улочке Павловского Посада вполне мог быть для переводчика источником вдохновения и умиления. Кто знает, чего тут больше – любви к земле отцов или земле учителей? Только в стихах можно сказать об этом соединении, которому нет места нигде, кроме как в душе.

ВСТУПИТЕЛЬНЫЙ РОМАНС К «ЦЗИНЬ, ПИН, МЭЙ»

Роскошные сады на островах бессмертных,
Долина золотая и высокие терема.
Но не лучше тишины одинокой лагуги
Средь ковра полевых цветов.
Не радость ли тут и наслажденье?
Приятно в ней весной
И летом

И осенней порой.
Поспело вино. Какой аромат!
Гость заглянет, его задержу.
На шаг уйдешь от суесть
И уж нет забот, ни блеска, ни позора.
С чего б им взяться?
Устану – спать ложусь,
Одолеет жажда – пью,
А захмелею – песню запою.

Невелик мой дом
И низки оконца.
Утешенье мое – крошечный пруд,
Ряды пиков – высоких и низких.
У заросшего пруда
И ветерок,
И луна,
И прохлада.

Живу очень скромно –
Бамбуковый стол и с цинковой леханка.
Пред глазами – рек и гор красота.
Вино вышло – ну что же!
Чистой беседой я гостя займу.
Заварю лучший чай,
В черепяные чашки
Жидкой похлебки налью.

Живу – рядом вода и бамбуки.
Люблю я лагугу мою.
Из камешков гладких ступени.
Мне очка миль и терраса –
Изящные образцы.
А как чисто и тихо,
Свободно,
И волготно как!

Беспечен я – ничем не связан.
Что ж делать мне?
Постою у перил, игрю рыбком любуюсь,
Цветами на ветру и луной в снегу.
Мне выпадет досуг –
Души захигаю светильник –
Веду беседу
Или читаю книгу.

Вымел начисто пыль.
Сизый мох пожелал
И багряные листья, что устали крыльцо.
Красота – картину пиши!
Что за прелесть вдали!
Стоят сосны,
Бамбуки,
Ветви с цветами мэй.

Посадишь цветы и деревья
И ждешь их цветенья.
Мне природа дарует грядущее,
Знаю, к сроку меня наградит.
А пока гуляю беспечно,
Доволен уделом своим,
И открыта душа.

В результате сокращения в том числе и таких страниц первое советское издание романа «Цзинь, Пин, Мэй» в издательстве «Художественная литература» (1977) оказалось не четырех-, а двухтомным. Но переводчик не увидел и его.

«А если хотите узнать, что случилось потом – приходите в следующий раз» – этими словами заканчиваются почти все главы романа, обещающая продолжение повествования. Поэтому вспомним их и мы в заключение сегодняшней встречи.

В оформлении использованы фотографии, предоставленные Ириной Александровной Бабаняк и Ларисой Евгеньевной Померанцевой, за что автор их сердечно благодарит.

Мария СОЛОПОВА,
научный сотрудник Института философии
Российской академии наук

